Ефим ГАММЕР

ВЕНОК ДИАСПОРЫ

Сонеты

1

Насилую себя – преображаюсь.
Раскраиваю вечность на мгновенья.
Раб мимикрии, мне пристало жалость
Выцеживать по каплям из презренья.

Боюсь злословья, как боялся прежде
Погромщиков в болоте местечковом.
«Я не такой! Иной!» - твержу невежде.
Но что ему оболганное слово,

Что всхлип души, когда в почете вата,
Которой уши у него забиты.
Боюсь вины безвинно виноватых.
Боюсь не смерти – другом быть убитым.

Вот облик мой, каким в судьбу он врублен.
Внутри углы. А внешне я округлый.

2

Внутри углы. А внешне я округлый.
Искусственная двойственность натуры.
В противоречье человека с куклой
Живу, улыбчивый и хмурый.

Второе «я» - откормленная кукла –
К благонадежности подвешено за уши.
Но сердце в нем мое. Оно набухло.
Оно готово вырваться наружу.

В нем генный код – мой поводырь в изгнанье –
Пророчествует, прозревая дыбу.
И голосует сердце за восстанье,
И рвет по швам мундир стереотипа.

«Король-то гол!» И кукла в страхе сжалась.
К второму «я» испытываю жалость.

3

К второму «я» испытываю жалость.
Ему скончаться, роль свою исполнив.
Мне с дрожью помнить, как оно сражалось,
Чтобы не сгинул я в житейских волнах.

Душе, взошедшей на костер страданий,
Не возродить стоклятого прикрытья.
Ее удел – вместить все мирозданье.
А если нет – так о него разбиться.

Что ждет меня в дороге обретенья
Такого «я», что боль веков впитает?
Как кровь густа, из вечности мгновений
Она ко мне все ближе подступает.

Мне жаль себя, Одессу, Ригу, Бруклин.
Но жалость не загасит в сердце угли.

4

Но жалость не загасит в сердце угли.
Не им, так искрам продираться лазом
Из сердца – этой невозможной кухни –
В мой мозаично выложенный разум.

Мозаика – цветная панорама
Грядущего, текущего, былого.
Во мне священнодействуют экраны,
Немые и насыщенные словом.

В экраны проецируются искры,
А стоны звуковым им служат фоном.
Далекое становится вновь близким.
И вот я погружен во время Оно,

Когда от имени вождя и Бога
Меня сжигала на кострах эпоха.

5

Меня сжигала на кострах эпоха.
Под крики «хайль!», моим мольбам не внемля.
И я, лишенный животворных соков,
Пахучим пеплом оседал на землю.

Что в пепле том? Одно воспоминанье
О людях без отчизны, о землях без народа.
Но в мертвом пепле бился пламень тайный,
Раздутый в зарево лихою непогодой.

Огонь прожег сапог порабощенья,
А крику «хайль!» – голосовые связки.
И я восстал из пепла. Возрожденье!
Свободен жить! И жить не по указке!

Свободен ли? Меня, как впал в сомненье,
Расстреливали стрессами мгновенья.

6

Расстреливали стрессами мгновенья.
Рожденного – какой уж раз! – в неволе.
«Хочу быть сам собой! - страдал в смятенье, -
Доколе быть чужим себе? Доколе?»

Но мне иной был жребий уготован
Под директивным солнцем новой эры.
И оказалось: я лишен основы –
Своей культуры, памяти и веры.

Я понял, исходя душевной кровью,
Что нет реки, коль не было истоков,
Что, связь времен порвав, я обусловлю
Себе лишь подведение итогов

На счетах времени. Костяшки – крохи…
Я – в крик. Но поздно. Разродился вздохом.

7

Я – в крик. Но поздно. Разродился вздохом.
Мой вздох – среда питательная боли.
Как раковая опухоль, жестоко
Боль ест меня, живьем ест. Но доколе?

Я не хочу быть мне лакомой добычей
Для этой твари, вечно ненасытной,
И лепетать, сойдя в разноязычье:
«Вздох – твой конек для любопытных».

А вздох – среда питательная боли.
Порочный круг. В нем замкнуто начало
На родовой замок моей недоли.
Довольно вздохов! Крик душа зачала…

Но в мире, где мной правит униженье,
Мне не дано знать крика облегченья.

8

Мне не дано знать крика облегченья.
Зато дано огнем души согреться
И жаркою рукой стихотворенья
Коснуться человеческого сердца.

Коснувшись сердца, в сердце превратиться.
Стать сердцем, на день-два, всего Земшара.
И по-бунтарски, в полный мах забиться,
Чтоб не свернулась кровь его живая.

Пусть ненадолго силы крови хватит.

Сердец-то много у Земного шара!
Сердцам планеты, ими став хоть на день,
Не раздувать всесветного пожара.

Суть эту проповедовать я волен.
Я – сын веков, что вечно обездолен.

9

Я – сын веков, что вечно обездолен,
Питал умы живой водой познанья.
И в том не виноват, что так устроен,
Что жизнь, по мне, синоним созиданья,

Что хлеб судьбы едя, растил хлеб сути,
Что сути хлеб был невозможно горек,
Что нес его сквозь строй времен я к людям
И оставался в их глазах изгоем,

Что из Земного шара, как занозу,
Меня рвал нелюдь мертвыми клыками,
Будь Моисей, будь я Эйнштейн, Спиноза,
Будь просто Дрейфус, Аронес иль Гаммер,

Что вынужденно, крученый и битый,
Жил, внешним «я», как бы щитом, прикрытый.

10

Жил внешним «я», как бы щитом прикрытый
От мелочных обид и оскорблений,
Себя считая не «пархатым жидом»,
А гражданином мира и Вселенной.

Ко всем народам смог я причаститься,
Хотя оболган, предан был и продан.
Я – гражданин Вселенной и частица
Любого, как он ни зовись, народа.

В единстве сложного противоречья
Разноязыкий, иногда невнятный,
Я был последователь и предтеча,
Жил внешним «я», непонято-понятный

На форумах, ристалищах, в застольях.
А внутреннее «я» загнал в подполье.

11

А внутреннее «я» загнал в подполье,
Где Минотавру только развлеченье,
Чтоб тенью рвалось из неволи,
Из лабиринта умопомраченья.

Не вырваться! Слоняться ротозеем
В потемках избегать чужого взгляда.
Будь меч в руках… Меч выведет в Тесеи
И кинет на врага. Бой – высшая награда!

Но нет меча, и жди, когда обманом
На солнце выведут, чтоб в ослепленье,
Не различить скользящего кинжала
И рухнуть от удара на колени.

Нет, из подполья я его не выдам.
Ведь только там ему не быть убитым.

12

Ведь только там ему не быть убитым.
В подполье, в нем, как это ни досадно.
Мой тайный мир, во тьме от сглаза скрытый,
Ждет - не дождется нити Ариадны.

Пусть парадокс! Слуга не мифа – яви,
Мой тайный мир ждет нити путеводной.
Он, как Тесей, живым остаться вправе.
Он, как Тесей, обязан стать свободным.

Нить Ариадны – это указатель
К своим корням, к вторичному рожденью.
Где смерть – там жизнь, и жизни ради
Есть смысл украсить вечностью мгновенье,

Чтобы добраться наконец до сути.
Я ль в этом виноват? - скажите, люди.

13

Я ль в этом виноват? - скажите, люди,
Что голос разума – лишь отголосок сердца?
Что детству не знакома взрослость буден,
Что старческий маразм впадает в детство?

Я ль виноват, что замолкают музы,
Когда в литавры бьют под грохот пушек?
Я ль виноват, когда планете грустно,
Когда планету ужас смерти душит?

Я ль виноват, что в мире этом сложном
Царит не логика, а словосыпь такая,
Что предпосылки очень часто ложны,
А истина у каждого иная?

О, люди! Как дойти до вещей сути?
Но люди не философы, а судьи.

14

Но люди не философы, а судьи.
«От пустословий всяких там сомлеешь!»
«Ату! Долой! Шрапнелью из орудий!»
И… «Хлеба! Хлеба! Хлеба! Зрелищ! Зрелищ!»

Мой монолог для их ушей, как небыль.
«Диаспора? Евреи? Где уж тут аншлаги?»
«К ногтю! Казнить!» И… «Зрелищ! Хлеба! Хлеба!»
И… «Секс! Вино! Марихуану! Шлягер!»

Не лучше ль замолчать врагам в угоду,
Дать и себе хоть толику покоя?
И… «Секс! Вино!» Чтоб не отстать от моды,
Готов и я проглочен быть толпою.

Разъята пасть ее, я в эту пасть вжимаюсь.
Насилую себя - преображаюсь.

15

Насилую себя - преображаюсь.
Внутри углы. А внешне я округлый.
К второму «я» испытываю жалость.
Но жалость не загасит в сердце угли.

Меня сжигала на кострах эпоха,
Расстреливали стрессами мгновенья.
Я – в крик! Но поздно. Разродился вздохом.
Мне не дано знать крика облегченья.

Я – сын веков, что вечно обездолен,
Жил внешним «я», как бы щитом прикрытый,
А внутреннее «я» загнал в подполье –
Ведь только там ему не быть убитым.

Я ль в этом виноват? – скажите, люди.
Но люди не философы, а судьи.

Рига, май 1978 года